

ДУЭЛЯНТ ЛЕВ ДУРОВ

Москва, правда - 1993 - 26 октября - с. 4

Мой собеседник был не расположен к разговору: мол, времени нет, дел невпроворот, со студентами репетировать надо... И все же мы решили попробовать.

— Сегодня, пожалуй, главные представления разбираются не на театральных подмостках, а на улицах. Почему вас, Лев Константинович, никогда не видно на митингах, манифестациях?

— Не хочу участвовать в этом. До чего мы дошли? Нонна Мордюкова, замечательная артистка и замечательная женщина, на сцене Дома кино плачет, вспоминая ту человеческую солидарность, которая была во время войны. Зиновия Гердта, фронтовика, хватают за грудки и кричат ему: Ельцин проданся жидам... А он в ответ: посмотрите на меня, я еврей... Не хочу я участвовать в этой мерзкой свалке, выслушивать оскорбления... К тому же на митингах мы призывали к одному, а политики за нашей спиной принимают совершенно другие решения. Мне это уже надоело. И потом, по-моему, проявляется патриотизм не в горлопанстве, а в том, чтобы вкалывать и честно делать свое дело.

— Неужели вы верите, что вам удастся остаться вне политики?

— Я думаю, у нас сейчас ни один человек не может быть вне политики. И тем более актер, лицедей. Скажем, принято решение о контроле Верховного Совета над телевидением и радио. Я вынужден этому противостоять, ибо не могу допустить, чтобы, как в старые времена, к нам в театр приходили полуграмотные люди в черных костюмах и диктовали, что надо делать. Да я тогда вообще уйду из театра.

— Вот вы упомянули о бывлой цензуре. А как относитесь к тому, что сегодня сняты любые запреты и табу. Каждый волен снимать, что хочет, ставить, что хочет. Но ведь не всем хватает такта, вкуса, культуры...

— Я все же рад, что мы наконец обрели в творчестве ощущение свободы. А если кто-то соглашается снять пошлость или в этом деле участвовать — это их дело. Я, например, отказался от одного сценария, хотя сулили большие деньги. Сейчас же мне предлагают снять фильм по Лескову. Классика! Я знаю спонсора, который дает на это деньги. Он — банкир. Кроме благодарности к этому человеку, я ничего не могу испытывать.

— Вы актер с многолетним стажем. Ответьте: что для вас кино и что — театр?

— Театр — это лаборатория, творческая мастерская. Кино — популярность, а в последнее время еще и заработок.

— Чтобы вести материально обеспеченную жизнь, многие наши актеры соглашаются сегодня на любые зарубежные съемки и уча-

стие в международных театральных постановках. А вы?

— Почему не гастролировать, если есть такие возможности? Но я за границу езжу редко. За последнее время побывал только в Израиле. Это были такие маленькие-маленькие гастроли. Я и туда не рвался, даже отказывался, зная, какое там количество наших гастролеров. Но меня уговорили. Принимали нас очень хорошо. Хотя не могу похвастаться, что у нас были сплошные аншлаги. Не случилось там со мной и дикого финансового обогащения.

— Вы себя к какому поколению людей вашей профессии относите?

— У нас существует прямо-таки болезнь: делить всех и вся на поколения. "Шестидесятники", "семидесятники"... А к какому поколению тогда отнести Пушкина? Ко времени Пушкина, потому что он творил в свое время... И моих любимых писателей — Битова, Искандера, Окуджаву — я бы тоже ни к какому поколению не причислял. Представляете, до чего можно дойти: эти писатели, скажем, весенние, те осенние, а есть еще зимние. Зимних читать не будем, потому что очень холодно. Шучу.

И актеров я бы тоже на поколения не делил. Просто есть актеры хорошие, средние и плохие.

— Кстати, о писателях. Вы, кажется, сами неплохо владеете пером?

— Да нет! Ну, к примеру, лежу на пляже. Сидит в голове хреновина с морковиной. Хватаю ручку и начинаю записывать. Получились "Грустный рассказ" и "Веселый рассказ" — госпитальные истории военного времени, когда я мальчишкой помогал в медсанбатах.

А знаете, где меня впервые опубликовали? В Нью-Йорке. В газе-

те "Новое русское слово". Зато гонорар получил в Москве. Какой, не скажу. Не потому что большой, наоборот, маленький. Я бы сказал, условный...

Уже после я написал о том, как встречался с Молотовым, Ворошиловым, Хрущевым... К слову, недавно сыграл Микояна в картине "Серые волки".

— За время работы в кино и театре вам ни разу не изменила популярность. А она, в свою очередь, не изменила ли вашу душу?

— Я не в том возрасте, чтобы быть обуреваемым тщеславием. Просто работа у меня такая — быть на виду. Меня, например, часто штрейкбрехером называют. Это потому, что я себе цену назвать не могу. Меня на концерт приглашают и спрашивают: "Ну, сколько вы стоите, Лев Константинович?" А я не знаю, что сказать. Стыдно как-то самому себе цену называть. Хотя новые условия жизни, казалось, должны были бы мой подход изменить.

А насчет популярности... Иногда это даже помогает. Штрафы с меня ГАИ не всегда берет. Прощают...

— Часто правила нарушаете?

— Чего греха таить, бывает. Со мной второй раз никто не ездит.

...У меня машина, кстати, взорвалась. Нет, не потому, что на меня покушение было, — от старости. И вдруг на премьере "Леса" прямо на сцену вышли три брата, коммерсанты, и подарили мне новенькие "Жигули". Оказалось, их фирма признала меня лучшим актером года. Я после этого начал в чудеса верить, в разных там волшебников и волшебниц.

— У вас фамилия очень известная...

— Родословная Дуровых занимает шестую часть геральдической книги России. Среди моих предков восемь стольников Петра, кавалер-девица Надежда Дурова...

А руководитель театра зверей Наталья Дурова — моя двоюродная сестра.

— Если говорить о семейных традициях...

— Как таковых их, наверно, сегодня уже нет. Впрочем, однажды имя нашего дедушки в одной газете попытались смешать с грязью. Напечатали какие-то непонятные мемуары, в которых рассказывалось о его любовных похождениях. Мы такое этой редакции устроили! На что не пойдешь ради дедушки-то...

— И на дуэль смогли бы вызвать?

— А что? Я дуэли не боюсь. Я дважды на дуэль вызывал. И даже на место встречи приезжал. Но не поднимаются в наш век перчатки...

Елена ТОЛМАЧЕВА.